

ПОЕЗДКА НА МАРСЕЛЬСКОМ ПАРОХОДЕ

(Из путевых записок)

Источник: Василий Вонярярский. "Большая барыня". Москва, изд-во "Правда", 1988. С. 361 -395.

OCR и правка: Давид Титиевский, май 2008.

Оригинал здесь: [Библиотека А.Белоусенко](#).

3 марта 1847 года возвратился я из Испании в Марсель, дав себе обещание не только не пускаться в дальние морские путешествия, но избегать даже перевозов через реки. Причиной подобного обета был переезд из Алжира в Барселонну, продолжавшийся не четверо, как бы следовало, а четырнадцать суток; я получил решительное отвращение к воде.

Итак, повторяю, торжественное обещание я дал третьего, а четвертого марта -- увы! -- перетащил чемодан свой на палубу железного парохода "Ville de Marseille"¹, отплывавшего в тот же день в Неаполь.

Утро было пасмурное, небо серое, а воздух, зараженный гнилыми испарениями неподвижной гавани, душил и производил тошноту.

На палубе прохаживалось уже несколько пассажиров, из которых один был испанец, низенький, смуглый, грязный и безмолвный, как могила. Он грозно посматривал на двух мужчин, разговаривавших между собою на языке, которого он не понимал; вероятно, ему казалось, что предметом разговора был он. Но испанец ошибался; два господина говорили по-польски и не о нем. Один из них был лет сорока, высокий, полный, румяный и с прекрасными зубами. Белокурые волосы с проседью были подстрижены на затылке и опущены на висках и темени; усики закручивал он в колечки. Владелец всех этих сокровищ улыбался с приятностью, выделывая из губ сердоликовое сердечко. Товарищ его, невысокий, но статный мужчина лет пятидесяти составлял совершенную противоположность с ним; он был смугл, бледен, обстрижен донельзя и с такими глазами, от которых не отказался бы ни один испанец и, конечно, ни одна испанка.

¹ Дословно: "Город Марсель" (фр.).

Поодаль от всех, небрежно раскинувшись на деревянной скамье, лежал молодой человек лет двадцати двух. На нем был полосатый арабский бурнус и пунцовая феска с синею гарусною кистью; из-за фески выглядывали черные кудри, а из складок бурнуса -- пара больших рук, сжатых палевыми перчатками; под носом торчали намазанные чем-то усики, а подбородок осеялся клочком волос, расчесанным очень тщательно; мне даже казалось, что этот юноша был набелен и нарумянен.

Остальные пассажиры принадлежали ко второму разряду и ограничивали прогулку свою пространством, заключающимся между носом парохода и трубою.

-- Кто такие эти господа, что на задней палубе,-- спросил я у капитана, предоброго и превеселого шведа гигантских размеров.

-- Смуглый -- испанец (имен я еще не заучил),-- отвечал капитан,-- а те два, что говорят между собою, кроаты, из которых низенький -- полковник, и прекурьезная штука.

-- А тот, что в арабском костюме?

-- Да ведь охота же наряжаться шутом.

-- А кто он?

-- Он бельгиец, пресладкая физиономия,-- прибавил капитан.

-- Он очень недурен собою, не правда ли?

-- Была бы кожа да краски -- то ли намарать можно.

-- Он вам не нравится, капитан,-- заметил я.

-- Таких ли еще приходилось перевозить.

И капитан расхохотался, плюнул фонтанчиком за борт и покачал головою в знак совершенного удовольствия.

Чрез несколько минут из-за кораблей, стоящих на якоре, показался восьмивесельный катер. Весь экипаж наш и все пассажиры бросились к борту. Катер быстро приближался к пароходу; в катере сидело несколько дам и кавалеров.